

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-255-270

УДК 81'366.512.141

МОДАЛЬНЫЙ ПРИЗНАК ФОРМ ИЗЪЯВИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ В НЕМЕЦКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ

Гильфанова Ф.Х., Гильфанов Р.Т.

Цель исследования – выявление модального признака форм изъявительного наклонения в разноструктурных языках на примере немецкого и татарского языков и установление того, насколько схожи и различны эти признаки для наиболее четкого толкования данной категории как грамматического явления. Для этого была проведена систематизация лексико-грамматических средств выражения модальных значений в немецком и татарском языках, а также их комплексный сопоставительный анализ. **Актуальность** исследования заключается в том, что категория модальности недостаточно исследована в теоретическом плане в обоих языках, не до конца выявлен семантический потенциал косвенных наклонений, не в полной мере изучено взаимодействие наклонений с другими средствами выражения модальности, не установлены иерархические связи между ними. В исследовании применяется **метод** типологического анализа как структуры, так и семантики модальных средств генетически и типологически неродственных языков, описательный метод языкового материала, базирующийся на изучении и обобщении основных достижений современной лингвистики. **В результате исследования** установлено, что основным модальным признаком изъявительного наклонения является выражение реального действия, но в плане межпарадигматических оппозиций по общему признаку реальности и нереальности действия данное наклонение соотносится с системой косвенных наклонений по принципу «часть - целое». В рассматриваемых языках выявляются существенные различия в системе грамматических средств выражения модальных значений, в количестве наклонений в немец-

ком и татарском языках. Также предпринимается попытка установления иерархических связей между ними. Как в татарском, так и в немецком языкознании считается, что косвенные наклонения являются особыми временами или формами будущего времени изъявительного наклонения.

Ключевые слова: модальный признак; изъявительное наклонение; лексико-грамматические значения; разноструктурные языки; сравнительно-сопоставительные исследования.

MODAL FEATURE OF FORMS OF THE INDICATIVE MOOD IN THE GERMAN AND TATAR LANGUAGES

Gilfanova F.H., Gilfanov R.T.

*The purpose of the study is to identify the modal characteristics of the indicative mood grammatical forms of languages of different types and to determine to what extent these features are similar and different for the purposes of most accurate interpretation of this category as a grammatical phenomenon. To achieve the above-mentioned goal, the systematization of lexical and grammatical means of modality meanings expression and their comprehensive comparative analysis in the German and Tatar languages was carried out. The topicality of the study lies in the fact that the category of modality has been insufficiently studied theoretically in both languages, the semantic potential of indirect tendencies is yet to be fully revealed along with studying the interaction of tendencies with other means of expressing modality is not fully studied and hierarchical connections between them. The study uses the **method** of typological analysis of both the structure and semantics of modal means of genetically and typologically unrelated languages, as well as the descriptive method of linguistic material based on the study and generalization of the main achievements of modern linguistics. It is identified that the main modal characteristic of the indicative mood is the expression of real action, but this mood is related to the system of indirect tendencies as a part to a whole in respect of interparadigmatic oppositions on a common basis*

of real/unreal action. Significant differences in the system of grammatical means of modal meanings expressing, the number of moods in the German and Tatar languages are identified, as well as attempts to establish hierarchical relationships between them are made. It is believed that indirect mood is the specific form of the future tense of the indicative mood in the Tatar and German linguistics.

Keywords: *modal feature; indicative mood; lexical and grammatical means; different types of languages; comprehensive comparative analysis.*

Еще в начале XIX века немецкий ученый Вильгельм фон Гумбольдт отметил, что язык, как и вся деятельность человека, пронизан чувствами, эмоциями, которые человек всегда выражает с помощью языковых средств [5, с. 15]. Кроме того, говорящий, как правило, дополняет свое высказывание субъективными элементами, т.е. он не только сообщает об определенном положении вещей, но и комментирует его, выражая при этом свое отношение, а также достигает ту коммуникативную цель, которую он ставит.

Любое целостное выражение мысли, чувства, побуждения, отражая действительность в той или иной форме высказывания, облекается в одну из существующих в данной системе языка интонационных схем предложения и выражает одно из тех синтаксических значений, которые в своей совокупности образуют категорию модальности [4, с. 53]. Актуальность исследования обусловлена значимостью проблемы категории модальности, фундаментальной языковой категории, которая привлекает внимание широкого круга ученых и является одной из самых сложных, наиболее спорных и дискуссионных как в немецком, так и в татарском языке.

Цель исследования заключается в том, чтобы на основе сравнительно-сопоставительного анализа лексико-грамматических средств выражения модальных значений в немецком и татарском языках установить универсальные закономерности на различных языковых уровнях, выявить схождения и расхождения в выражении одних и тех же значений. Поставленная цель реализуется с помо-

щью выполнения следующих задач: систематизации лексико-грамматических средств выражения модальных значений в татарском и немецком языках, проведения комплексного сопоставительного анализа их лексико-грамматических средств выражения модальных значений, установления типологически общих и различающих явлений в системе средств выражения модальных значений, определения межъязыковых эквивалентов и компенсаторных механизмов в сферах различия, представления всего комплекса средств выражения модальности, охватывающей систему форм глагольного наклонения и модальные слова в рассматриваемых языках.

Для исследования каждая наука, исходя из собственных задач и потребностей, членит текст, выделяет соответствующие им единицы, категории и закономерности [7, с. 8]. Для нас же единицей сравнительно-сопоставительного анализа является предложение, играющее важную роль в процессе общения и обмена мыслями между людьми и выражающее законченный акт мысли. А по выражению В.Г. Адмони, «всякое сообщение, всякий акт мысли обязательно предполагает активное, динамическое соединение, связывание двух компонентов: - того, о чем сообщается в высказывании и чем определяется первый член мысли» [2, с. 39]. Задачей сообщения и акта мысли, по В.Г. Адмони, является связать эти два компонента живой и активной связью, которая находит свое выражение в предложении. Такое активное, динамическое утверждение связи двух компонентов, происходящее в момент построения предложения или его воспроизведения и являющееся обязательным условием всякого предложения, ученый называет «содержанием предикативности». *Предикативность* рассматривается лингвистами как «обязательная для предложения синтаксическая категория, которая определяется отношением содержания предложения к действительности и представляет собой единство трех синтаксических категорий – времени, модальности и лица» [6, с. 15], которые в своей совокупности, в тесном единении и взаимодействии друг с другом и формируют данную категорию – основное свойство предложения, воплощающее в себе относительно законченную мысль. То, что сообщается,

может мыслиться говорящим как реальное, имеющееся в настоящем и имевшееся в прошлом, обычно принимает одно из значений категории модальности, которая выражает различные отношения между говорящим, слушающим и сообщаемым высказыванием. Одним из таких отношений является цель высказывания, в соответствии с которой предложения обычно подразделяются на побудительные, предположительные, желательные (оптативные) и др. Следовательно, модальность – это категория уровня предложения, один из его основных признаков, который имеет свои собственные формальные средства выражения. В отличие от слова, предложение является единицей коммуникативно-предикативной, в нем не только что-то называется с помощью составляющих его слов, но также определяется отношение названной субстанции к окружающей действительности; таким образом, устанавливается, как оно (это отношение) представляется говорящему или как говорящий хочет его представить, то есть в виде соответствующей суммы отнесений.

Фактологическим материалом для исследования послужил материал, собранный автором из одноязычных и двуязычных словарей, периодических научных изданий, а также собственная языковая компетенция и опыт практической работы автора переводчиком немецкого языка. Отмечая тот факт, что перевод может отличаться от оригинала, и что практически невозможно достичь полного соответствия текста на разных его языковых уровнях, методом разумной выборки в качестве примеров нами были отобраны только те предложения, в которых форма выступает в требуемом категориальном значении.

Теоретическую и методологическую основу исследования составили теоретические положения, разработанные в трудах многих отечественных и зарубежных исследователей. Как известно из истории языкознания, исследование категории модальности имеет давнюю традицию, так как она является одним из самых сложных и противоречивых понятий, имеющих множество различных толкований. Этому вопросу посвящены работы В.В. Бондарко, Г.О. Виноградова, Е.М. Винокура, О.С. Галкиной-Федорук,

Е.А. Ахмановой, Г.А. Крашенинниковой, В.А. Золотовой, Д.Н. Звезгинцева, Н.В. Шмелева, В.Г. Давыдовой, Е.В. Адмони, Е.И. Гулыги, Н.А. Шендельс, Е.Н. Золотубовой, Е.Е. Кисловской, Н.Е. Петрова, Е.Б. Деминой, Л.П. Михневича, Ф.А. Агаевой, Е.А. Дидковской, М.Я. Блоха и др., в которых данное понятие трактуется по-разному. В тюркологии разные аспекты модальности освещены в исследованиях Н.К. Дмитриева, А.Н. Кононова, Н.А. Баскакова, Д.Г. Тумашевой, Ф.М. Хисамовой, Ф.Ю. Юсупова, М.З. Закиева, Н.З. Гаджиевой, Ф.А. Ангели, Р.Г. Сибатагова, М.В. Зайнуллина, Г.Г. Саитбатталова, М. Ю. Ибрагимовой и др.

В исследовании применяется метод типологического анализа как структуры, так и семантики модальных средств генетически и типологически неродственных языков, описательный метод языкового материала, базирующийся на изучении и обобщении основных достижений современной лингвистики. Научная новизна настоящей работы состоит в том, что впервые подвергаются сопоставительному изучению лексико-грамматические средства выражения модальных значений в немецком и татарском языках, двух разносистемных, типологически и генетически неродственных языках.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что оно углубляет представления об особенностях структуры и семантики модальных глагольных систем немецкого и татарского языков, выявляет основные тенденции развития на сопоставительно-типологической основе. Практическая значимость состоит в том, что разработка сопоставительного изучения модальности в татарском и немецком языках открывает возможность использования методики преподавания немецкого языка в национальной аудитории в вузе и школе. Использование на занятиях по иностранному языку фактов родного языка активизирует мыслительную деятельность студентов и школьников, побуждает их к самостоятельным наблюдениям и интересным выводам

Одной из наиболее распространенных и широко употребляемых форм системы наклонений в силу своего значения в обоих языках является форма *изъявительного наклонения*. Изъявитель-

ное наклонение татарского глагола отличается от немецкого индикатива составом временных форм: в татарском их – девять, а в немецком – пять. В результате недооценки категории модальности как грамматического содержания форм наклонения исследование изъявительного наклонения в современном татарском языке проведено преимущественно в видо-временном плане. Основным содержанием изъявительного наклонения считалось выражение действия, не осложненного никакими модальными и аспектуальными оттенками. Формы изъявительного наклонения в обоих сопоставляемых языках представляют особый интерес именно в силу своей модальной насыщенности, богатству модальных оттенков, выражаемых зачастую самой грамматической формой глагола, что является спецификой этих языков, отличающей их в этом отношении от других западноевропейских языков. Известно, что соотнесение высказывания с реальной действительностью может осуществляться в обоих языках в плане всех трех времен, отсюда и «наличие дифференцированных форм времени в системе индикатива – выразителя достоверной модальности» [1, с. 35].

Модальная сущность форм изъявительного наклонения, т.е. модальность действительности, может подвергаться в языке воздействию различных индикаторов, которые могут усиливать характер достоверности, а иногда в корне менять ее, переключая модальность достоверности на модальность ирреальную (сомнение, предположение и т.п.). Наиболее спорным представляется вопрос о статусе в сопоставляемых языках будущего времени. Действия, относящиеся к будущему времени, в отличие от действий в настоящем и прошедшем временах являются не осуществленными, значит вряд ли их можно считать реальными, действительными. Во всех вышеуказанных случаях для реализации того или иного модального значения требуются специальные речевые условия, которые носят в принципе, в какой-то степени общий характер для татарского и немецкого языков. Однако в татарском языке имеется одна особенность форм изъявительного наклонения, которая резко отличает его от немецкого, образуя специфику форм индикатива татарского

языка. В немецком языке, например, «все словоформы индикатива и императива однородны в отношении модальности в том смысле, что между разными временными формами внутри каждого наклонения модальных различий нет, и этим они отличаются от конъюнктива, каждая временная форма которого должна быть рассмотрена отдельно [9, с. 319]. В татарском же языке словоформы индикатива носят различный характер и поэтому нуждаются в дифференциальном анализе.

Признак «действительность» может рассматриваться в более узком и более широком смысле, если рассматривать его как отражаемое в языковых значениях представление говорящего о существующем в действительности факте, событии. В более узком смысле речь идет о ядре, т.е. центре реальности, где сосредоточены и наиболее четко представлены специфические признаки данного значения, тогда как в более широком смысле – о более обширной содержательной сфере, включающей не только центр, но и периферию – ту область, где признаки реальности выступают не столь явно и могут сочетаться с некоторыми элементами ирреальности, нужно отметить, что между реальностью и ирреальностью в их качественной определенности существуют переходы одной в другую. Под реальностью в узком смысле называют еще актуальность, т.е. мы имеем в виду устанавливаемое говорящим представление о таком существовании факта в действительности, в котором нет элементов, указывающих на ирреальность, т.е. потенциальность, а также недостоверность и т.п. В обоих сопоставляемых языках таким ядром является ситуация настоящего актуального времени с признаками наблюдаемости (перцептивности) и конкретным присутствием (референцией) всех участников ситуации: Настоящее актуальное – «высшая степень» реальности – действительность, переживаемая, наблюдаемая, конкретная и очевидная.

Формы изъявительного наклонения специальных грамматических показателей не имеют. Как в татарском, так и в немецком языке эти формы обозначают объективное реальное действие, происходящее в настоящем времени, происходившее в прошлом или которое

может произойти в будущем, в результате чего это наклонение получает свое грамматическое выражение в соответствующих формах времени и лица, что является отличительной особенностью изъявительного наклонения, только ему присущи времена. Тогда как все остальные неиндикативные наклонения не противопоставляют формы настоящего / прошедшего / будущего. В немецком же языке сослагательное наклонение (конъюнктив) имеет, также как и изъявительное наклонение, шесть временных форм. Хотя модальность действительности или реальности по своему содержанию сходна в обоих языках, тем не менее, способы ее выражения зависят от системы видовременных форм, которые, как известно, имеют значительные несовпадения в сопоставляемых языках. Так, например, в татарском языке модальное значение действительности, относящееся к настоящему времени, выражается формой настоящего времени (хэзерге заман), в немецком же языке она может быть выражена не только индикативом, но и сослагательным наклонением. Противопоставление изъявительного наклонения, как реального прямого, косвенным наклонениям основывается на отсутствии морфологического показателя в индикативе при наличии соответствующих показателей в косвенных наклонениях. В то же время многие ученые отмечают, что некоторые формы изъявительного наклонения также выражают действия не реальные, а потенциальные. По мнению А.В. Бондарко, оно, изъявительное наклонение, отражает реальность не в узком, а в широком смысле [3, с. 60]. Сфера реальности, по его утверждению, в широком смысле представлена в будущем времени (Futurum), значит при этом всегда присутствует та или иная мера потенциальности, так как языковое содержание высказываний относит обозначаемую ситуацию к будущему времени. Например, в предложении *Иртәгә мин бу хатны җибәрермен. Morgen schicke ich diesen Brief ab* действие «Завтра я отправлю это письмо» отнесено к будущему времени, которое включает в себя элементы намерения, воли совершить данное действие. Данное действие не стало еще реальностью, что открывает другие варианты возможного развития действия. Подобно тому, как

при переносном употреблении формы настоящего времени могут обозначать действительно прошедшие или действительно будущие действия, формы изъявительного наклонения могут использоваться для передачи повелительности действия, при этом эти действия представлены так, как будто выражается их реальное осуществление в будущем. А.В. Бондарко объясняет в указанном случае способ представления действия в императивных ситуациях как реального проявления главного значения формы индикатива в условиях транспозиции [3, с. 62].

Модальное значение действительности находит наиболее четкое и непосредственное выражение в форме настоящего актуального времени, где присутствует характер наблюдаемости (перцептивности) (хэзерге фаразый заман), т.е. когда ситуация как бы действительно происходит при непосредственном наблюдении говорящего. Эта форма настоящего времени означает гораздо большую вовлеченность в процесс, чем настоящее расширенное, характерным признаком которого является нелокализованность действия во времени. Так называемый «расширенный презент» характерен для глагольной системы татарского и немецкого языков, который выражает происходящие в действительности обычные, типичные, повторяющиеся действия, или выражает действие, которое представляет свойство лица или предмета, какой-либо постоянный признак [8, с. 32]. Актуальность, отнесенная к прошлому, находится на следующей ступени иерархии модальности действительности; то что было актуальным, было наблюдаемым в плане прошедшего времени. В татарском языке форма прошедшего категорического времени на *-ды* (категорик үткән заман), выступающая в системе глагольных времен как наиболее значительная категория, имеет общее для всех глаголов изъявительного наклонения значение действия, которое, как правило, не связано с экспрессией, нейтрально, действительно происшедшего в прошлом, т.е. это однократное очевидное действие в прошлом. Как мы наблюдаем, у данной формы отчетливо ощущается значение локализованности действия. В немецком языке значение татарского прошедшего категорического времени переда-

ют формы претерита (Imperfekt): Der Bursche *sah* nachdenklich nach vorn, die Augen wie gewohnt verengt – das war Paschka Kolokolnikow (W. Schukschin. Kalina Krasnaja, 255) «Парень задумчиво с привычным прищуром посмотрел вперед – это Пашка Колокольников». Татарское прошедшее незаконченное время на *-a ide* (тэмамланмаган үткэн заман), так же, как немецкий имперфект (Imperfekt), выражает незаконченное до конца действие, действительно развивающееся и протекающее в прошлом.

Форма прошедшего времени на *-ган* (нэтижэле үткэн заман), по-разному называемая в татарском языкознании - «прошедшее результативное», «прошедшее-настоящее», «прошедшее неочевидное», «прошедшее перфективное», обозначает прошедшее, завершённое до конца действие, результат которого является актуальным для настоящего времени. То, что в значении перфекта в обоих языках имеется что-то от настоящего времени показывает его форма: в конструкции *ich habe gelesen* (я прочитал) имеется сема настоящего времени *ich habe*. При морфологическом анализе формы *алганмын* в татарском языке мы имеем причастие прошедшего времени *алган* и аффикс сказуемости настоящего времени *-мын*. Таким образом, со стороны структурной здесь налицо комбинация элементов прошедшего времени с элементами настоящего времени. Прошедшее законченное действие, предшествовавшее другому прошедшему действию, в татарском языке выражается формой на *-ган иде* (күптэн үткэн заман), в немецком – Plusquamperfekt (плюсквамперфект). И в тюркологической, и в западноевропейской лингвистической литературе данное время принято называть «күптэн үткэн заман» – «преждепрошедшим», «давнопрошедшим» или «давнопрошедшим результативным». Кроме значения предшествования плюсквамперфект имеет также значение завершенности действия или процесса. Значение предшествующего законченного или незаконченного действия, действительно имевшего место в прошлом, является основным значением, характеризующим формы прошедшего времени в татарском и немецком языках и удерживающим их в микрополе модальности действительности.

Будущее время изъявительного наклонения отличается от других времен тем, что о событии в будущем говорящий не может иметь достоверной информации, так как оно еще не произошло и тем самым принадлежит не к реальному, а к предполагаемому миру, тем самым будущее время очень близко к категориям ирреальной модальности, т.е. модальности недействительности. В исследуемых языках среди форм прошедшего времени изъявительного наклонения основными, выражающими модальность действительности, наиболее частотными являются прошедшее результативное (нәтижәле үткән заман) в татарском языке и перфект (Perfekt) – в немецком, называемый в грамматиках «die Vollendungsform», что значит «форма законченности». Одним из ведущих значений перфекта Е.И. Шендельс называет значение «актуальности действия в момент речи» [9, с. 250], что совпадает со значением прошедшего результативного времени в татарском языке. Говорящий с помощью формы перфекта констатирует объективные достоверные действия, актуальные для момента речи. В обоих языках модальные слова могут усиливать или ослаблять степень достоверности действий, фактов или процессов, передаваемых формой изъявительного наклонения. С точки зрения знаний говорящего истинные суждения могут передаваться с помощью модальных слов *чынлап-та*, *әлбәттә*, *билгеле*, (нем.) *natürlich*, *gewiß*, *wirklich*, *zwar*, *sicherlich* «действительно», «конечно», «разумеется», «естественно», «на самом деле», «именно», «правда», «все-же». К модальным словам, выражающим категорическую достоверность в татарском языке относятся: *әлбәттә*, *билгеле* ‘конечно’, *дәрес* ‘правда’, ‘верно’, *тәгаен*, (*һич*) *шиксез*, *шөбһәсез* ‘несомненно’, *бәхәссез*, ‘бесспорно’, *чыннан*, *чынлап та* ‘действительно’, ‘в самом деле’ и др. Зафиксированность состояния, которое наступило в результате определенного действия, может подчеркиваться и усиливаться модальными словами и частицами типа *икән* “оказывается”, *инде* “уже”, *ич* “ведь”, *соң* “же”, *бит* “ведь” и др.

В системе наклонений татарского и немецкого языков категория изъявительного наклонения противопоставлена косвенным накло-

нениям. Это находит свое выражение в целом ряде показателей и прежде всего в своеобразии непрямого употребления, в особенности транспозиции, переходя из одного поля модальности в другое. Транспозицией считается использование грамматической формы в таких функциональных значениях, которые в той или иной степени отступают от ее первоначального значения. С помощью транспозиторов – модальных слов, частиц, порядка слов, интонации и других языковых средств становится возможным переход повествовательных и вопросительных предложений в побудительные и т. д.

В результате исследования можно сделать выводы:

1. Наиболее распространенной и широко употребляемой в системе наклонений обоих языках, как и во многих языках мира, является форма изъявительного наклонения. Изъявительное наклонение татарского глагола существенно отличается от немецкого индикатива составом временных форм. Основным признаком изъявительного наклонения считается выражение реального действия.

2. Изъявительное наклонение соотносится с системой косвенных наклонений по принципу «часть - целое» в плане межпарадигматических оппозиций по тождественному признаку, определяемому отношением действия к действительности с точки зрения говорящего лица, которое находит выражение в контрастирующих грамматических признаках реальности и нереальности действия.

3. Как в татарском, так и в немецком языкознании считается, что косвенные наклонения являются особыми временами или формами будущего времени изъявительного наклонения. В обоих языках все косвенные наклонения обозначают нереальные действия, т.е. модальность недействительности, для выражения которой в сопоставляемых языках наблюдаются существенные различия в системе грамматических средств, имеющихся для выражения модальных значений.

4. В татарском языке для выражения ирреальной модальности существует четыре наклонения – повелительное (боерык фигыль), желательное наклонение (телэк фигыль), условное наклонение

(шарт фигыль) и сослагательное наклонение (шартлы теләк). В немецком же языке имеется только два косвенных наклонения – Imperativ (Повелительное наклонение) и Konjunktiv (сослагательное наклонение).

5. Различие в количестве наклонений в немецком и татарском языках объясняется тем, что многие значения, передаваемые категорией наклонения в одном языке, могут в другом языке выражаться не грамматическим, а лексическим способом, и также формами других наклонений.

Список литературы

1. Агазаде Н.Г. Система глагольных наклонений в современном азербайджанском литературном языке. Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1967. 191 с.
2. Адмони В.Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1955. 392 с.
3. Бондарко А.В. Понятийные категории и языковые семантические функции в грамматике // Универсалии и типологические исследования. М.: Наука, 1974. С. 54–78.
4. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 53–58.
5. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 397 с.
6. Прокопович Е.Н. Глагол в предложении. Семантика и стилистика видо-временных форм. М.: Изд-во «Наука» 1982. 288 с.
7. Романова Т.В. Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе. Под ред. проф. Г.Н. Акимовой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. 2003. 296 с.
8. Тумашева Д.Г. Татарский глагол (опыт функционально-семантического исследования грамматических категорий). Уч. пос. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 1986. 189 с.
9. Шендельс Е.И. Грамматика немецкого языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1954. 366 с.

References

1. Agazade N.G. *Sistema glagol'nyh naklonenij v sovremennom azerbajdzhanskom literaturnom yazyke* [The System of Verbal Moods in the Modern Azerbaijani Literary Language]. Baku: Izd-vo AN Azerb. SSR, 1967. 191 p.
2. Admoni V.G. *Vvedenie v sintaksis sovremennogo nemetskogo yazyka* [Introduction to the Syntax of Modern German]. M.: Izd-vo literatury na inostrannykh yazykakh, 1955. 392 p.
3. Bondarko A.V. *Ponyatiynye kategorii i yazykovye semanticheskie funktsii v grammatike* [Conceptual Categories and Language Semantic Functions in Grammar]. *Universalii i tipologicheskie issledovaniya* [Universals and typological studies]. M.: Nauka, 1974: 54–78.
4. Vinogradov V.V. *O kategorii modal'nosti i modal'nykh slovakh v russkom yazyke. Issledovaniya po russkoy grammatike* [On the Category of Modality and Modal Words in Russian. Studies in Russian Grammar]. M.: Nauka, 1975: 53-58.
5. Gumbol'dt V. *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu* [Selected Works on Linguistics]. M.: Progress, 1984. 397 p.
6. Prokopovich E.N. *Glagol v predlozhenii. Semantika i stilistika vidovremennykh form* [The Verb in the Sentence. Semantics and Stylistics of the tense-aspect forms forms]. M.: Izd-vo «Nauka» 1982. 288 p.
7. Romanova T.V. *Modal'nost' kak tekstoobrazuyushchaya kategoriya v sovremennoy memuarnoy literature* [Modality as a Text-forming Category in the Modern Memoir Literature]. ed. prof. G.N. Akimova. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta. 2003. 296 p.
8. Tumasheva D.G. *Tatarskiy glagol (opyt funktsional'no-semanticheskogo issledovaniya grammaticheskikh kategoriy)* [Tatar Verb (Experience of the Functional Semantic Study of Grammatical Categories)]. Kazan': Izd-vo Kazanskogo gos. un-ta, 1986. 189 p.
9. Shendel's E.I. *Grammatika nemetskogo yazyka* [Grammar of the German language]. M.: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh, 1954. 366 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Гильфанова Фарида Харисовна, профессор, доктор филологических наук, доцент
Тюменский государственный университет
ул. Володарского, 6, г. Тюмень, 625003, Российская Федерация
rawil_51@mail.ru

Гильфанов Равиль Тагирович, доцент, кандидат филологических наук, доцент
Тюменский государственный университет
ул. Володарского, 6, г. Тюмень, 625003, Российская Федерация
rawil_51@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Gilfanova Farida Harisovna, Doctor of Philology, Professor
Tyumen State University
6, Volodarsky Str., Tyumen, 625003, Russian Federation
rawil_51@mail.ru

Gilfanov Ravil Tagirovich, Candidate of Philology, Associate Professor
Tyumen State University
6, Volodarsky Str., Tyumen, 625003, Russian Federation
rawil_51@mail.ru